

— Принцесса! Вы наконец-то очнулись! — радостно вскрикнула Су Пинь. Позабыв о приличиях и присутствии постороннего в лице Шэнь Цинчжоу, она бросилась к Дунфан Цзе и крепко обняла её.

Дунфан Цзе ещё долго не могла прийти в себя. В голове мутилось. Она неподвижно, затуманенным взглядом смотрела на девушку, и лишь спустя некоторое время в её сознании наконец всплыло имя.

— Ах, это ты, Су Пинь...

Су Пинь опешила. Она не понимала, почему принцесса вдруг назвала её полным именем, и растерянно пробормотала:

— Принцесса?..

Обрушившийся столетний вихрь чужих воспоминаний превратил мысли Дунфан Цзе в сплошной хаос. События из самых разных эпох её долгой прошлой жизни переплетались, вспыхивая яркими искрами и мешая понять, где она сейчас находится.

Она прижала ладонь ко лбу и зажмурилась. Дождавшись, пока утихнет бешеная карусель перед глазами и отступит подступающая к горлу тошнота, Дунфан Цзе снова открыла глаза и окинула взглядом тех, кто столпился у постели.

— Чжаньмэй, матушка Сюэ... — Её тусклый взгляд скользнул по лицам присутствующих и замер на Шэнь Цинчжоу. — А, и вы здесь, глава Шэнь.

Шэнь Цинчжоу едва заметно нахмурился. Чутьё подсказывало ему: с принцессой творится нечто неладное.

Впрочем, вслух он ничего не сказал, лишь почтительно поклонился:

— Ваше Высочество.

— Да... — Дунфан Цзе, бледная как полотно, лишь тихонько отозвалась в ответ.

Лекарь Сюэ помрачнела. Она тоже уловила странность в поведении своей воспитанницы. Матушка Сюэ знала принцессу Чандин с самых пелёнок, и её нынешняя реакция казалась слишком, пугающе неестественной.

Старая целительница была уверена в своём диагнозе: телу Дунфан Цзе ничего не угрожало, дело было лишь в крайнем истощении сил, которое должно было пройти за пару дней покоя. Но когда речь заходила о тонких материях души и духа, гарантировать что-либо становилось

невозможно. Случись с душой принцессы какая-нибудь неведомая беда по её недосмотру, лекарь Сюэ не простила бы себе этого до конца дней.

Дунфан Цзе чувствовала нечеловеческую усталость. Ей безумно хотелось рухнуть прямо здесь, укрыться тёплым одеялом и провалиться в глубокий сон дня на три, не меньше. Но расслабляться было нельзя — в шатре по-прежнему находился глава Шэнь.

Что же до причин её столь плачевного состояния...

Шэнь Цинчжоу не нуждался в объяснениях. Он и сам без труда догадался, в чём дело.

Всё дело было в наследии, которое оставила после себя Ли Чжао, великая основательница династии Ян. Принять и переварить за один миг воспоминания о целой чужой жизни — испытание, способное сломить любой разум. То, что Дунфан Цзе вообще осталась в здравом уме, уже было чудом.

Но Шэнь Цинчжоу тревожило и другое: кто именно сейчас очнулся перед ними? Была ли это прежняя принцесса Чандин, в чью голову влилась память великой воительницы, или же сама грозная Ли Чжао, обретшая плоть Дунфан Цзе?

Под натиском векового жизненного опыта основательницы династии скромные двадцать лет принцессы могли попросту раствориться без следа.

Шэнь Цинчжоу одолевали мрачные думы. Принцесса Чандин всегда казалась ему рассудительной и осторожной, но, как выяснилось, решимости ей было не занимать. Пожалуй, даже слишком...

Впрочем, о собственной безрассудной схватке с древним свирепым таоте он в этот момент предпочёл благополучно забыть.

Знай Дунфан Цзе, о чём он думает, она непременно возмутилась бы столь вопиющей несправедливостью.

Вернувшись в свой шатёр, она достала таинственный серебряный браслет из карманного измерения рукава, намереваясь хорошенько его рассмотреть. Кто же мог знать, что прикосновение её духовной силы подействует на древний артефакт как клей? Браслет намертво вцепился в её духовные потоки, и все попытки отодрать его оказались тщетны.

Вне себя от тревоги принцесса решила силой втянуть духовную энергию обратно в меридианы. Но едва сдерживающий барьер исчез, браслет обратился в ослепительную серебряную нить и молниеносно скользнул прямо в её духовное море.

Она даже охнуть не успела, как покатилась кубарем на пол и лишилась чувств.

Перед её мысленным взором не просто промелькнули картины прошлого Ли Чжао. Дунфан Цзе прожила ту жизнь от начала до конца, испытав на себе каждую радость и каждую боль великой правительницы. И попутно открыла тайну, которая прежнюю принцессу повергла бы в полнейшее оцепенение.

Она, Дунфан Цзе, любимая дочь правящего дома Великого Цянь, и была той самой Ли Чжао, ушедшей в небытие семь веков назад!

С помощью осколка Нефритовой Книги Гор и Морей Ли Чжао совершила чудо, казавшееся современникам столь же невозможным, как восхождение женщины на императорский престол. Она сумела переродиться!

На закате дней, чувствуя приближение неизбежного конца, великая воительница решилась на отчаянный шаг — слила свою угасающую душу с осколком Книги. Но если Лю Бэй лишь укрылся внутри древнего артефакта, то безумная отвага Ли Чжао заставила её подчинить своей воле саму Нефритовую Книгу, сделав её частью собственного духовного существа!

Слухи о том, что юная принцесса родилась с яшмовым зажимом в руке, не врани. Душа Ли Чжао веками спала в недрах Столицы, великого древнего города четырёх династий, пока наконец не ощутила появление идеального сосуда — плоти, принадлежащей новой императорской семье.

Однако при рождении хрупкое младенческое тело, лишённое малейших крупниц совершенствования, попросту не могло выдержать мощь Нефритовой Книги, отчего духу пришлось «вытолкнуть» артефакт наружу.

Не будь в ней духа древней владычицы, девочка появилась бы на свет мёртвой.

План Ли Чжао был дерзким, но не безупречным. В заново рождённом теле разум Дунфан Цзе оказался чист — без единого воспоминания о былых временах. По счастью, предусмотрительная воительница запечатала свою память в осколке Нефритовой Книги Гор и Морей, уберегая себя от вечного забвения.

И всё же сейчас перед миром предстала именно Дунфан Цзе, обогащённая вековым опытом Ли Чжао.

Они изначально были единым целым, так к чему эти пустые сомнения? Подобное философское отношение помогло принцессе избежать пагубного раскола сознания и уберегло её душу от внутренних демонов.

Дунфан Цзе опустила веки, скрывая неистовый огонь честолюбия.

Трон Двух Империй, величие земного владыки — всё это было лишь началом её пути. Неужели

в прошлой жизни она без колебаний пожертвовала остатком лет лишь ради того, чтобы довольствоваться малым? Её целью была истинная вершина этого мира.

Сила совершенствования, безграничная власть, бессмертие... На этот раз она заберёт всё.

Она слегка прикусила губу и, подняв голову, одарила взволнованную свиту открытой, беззаботной улыбкой.

— Мы... Я в порядке. Спасибо за ваши заботы. — Прежнее императорское величие не прошло даром: скрывать свои истинные помыслы за маской искренности она умела виртуозно.

Су Пинь без лишних церемоний плюхнулась на край ложа, едва не потеснив хмурую матушку Сюэ. Лицо её так и светилось от восторга.

— Принцесса, как же я рада, что с вами всё хорошо! — лепетала она.

О том, из-за чего её госпожа столь внезапно лишилась чувств, верная служанка уже и думать забыла.

Лекарь Сюэ тихонько кашлянула и многозначительно посмотрела на воспитанницу:

— Начальник стражи Фэн на посту, прямо за порогом шатра.

Прежняя Дунфан Цзе, возможно, растерялась бы от таких слов, но теперь её разум обрёл былую остроту. Она мгновенно разгадала намёк своей преданной няни.

Матушка Сюэ по-прежнему не доверяла Шэнь Цинчжоу. Теперь, когда у входа стоял несокрушимый Фэн Цуньчи, а внутри караулила она сама, у гостя из семьи Цинь не оставалось ни единого шанса на побег или коварство — он был зажат в тиски.

Дунфан Цзе не знала, плакать ей или смеяться:

— Понимаю вашу преданность, матушка Сюэ, но вы перегибаете палку. В этой схватке глава Шэнь проявил истинную доблесть и истощил все свои силы ради общего блага. Отвечать подозрениями на такой подвиг — значит нанести горькую обиду верному союзнику.

Лекарь Сюэ славилась своей подозрительностью, и хотя в душе она осталась при своём мнении, перечить принцессе не стала:

— Ваша слуга проявила излишнее рвение. — Повернувшись к Шэнь Цинчжоу, она низко склонилась в извинении: — Простите старуху, глава Шэнь. Обидела достойного мужа своими

недостойными мыслями. Прошу, не держите зла.

Шэнь Цинчжоу поспешно замахал руками, уверяя, что всё в порядке.

Заметив, что принцесса не спешит делиться с ним обрётённой памятью прошлого, он решил не злоупотреблять гостеприимством и откланялся. Сейчас они находились на территории военного лагеря — сурового и опасного места для молодых учеников семьи Цинь, которые никогда не видели войны. Им требовался глаз да глаз, и долгое отсутствие наставника внушало Шэнь Цинчжоу понятное беспокойство.

— Доброго пути, глава Шэнь. Простите, что не провожаю, — напутствовала его Дунфан Цзе.

Когда Шэнь Цинчжоу покинул шатёр, Дунфан Цзе оперлась на жёсткое деревянное ложе и устало, но с поразительным изяществом опустилась на подушки. Лекарь Сюэ тотчас подоткнула под её бока тёплое одеяло. Даже в простом походном доспехе, без капли румян и украшений, в каждом движении принцессы сквозила царственная величавость, идущая из самых глубин души.

Её глубокие тёмные глаза походили на бездонные омуты, наполненные густыми чернилами — невозможно было разобрать, скрывается ли в них искреннее тепло или холодный расчёт.

— Принцесса, вам всё ещё нездоровится? — встревоженно спросила Су Пинь, заметив перемену в лице госпожи.

Дунфан Цзе мягко посмотрела на преданную служанку. Она едва заметно улыбнулась. Мягко опустив ладонь на плечо Су Пинь, она беззвучно качнула головой.

Девушка мало что поняла, но, увидев эту тёплую улыбку, тоже радостно заулыбалась.

«Славная девочка. Глуповата, конечно, зато предана беззаветно — в деле пригодится», — бесстрастно заключила Дунфан Цзе, рассуждая уже как прагматичная правительница Ли Чжао.

— Матушка Сюэ, как только выдастся свободный день, я хочу лично нанести визит на остров Пэнлай, в поместье семьи Цинь, — ровным голосом произнесла принцесса.

Лекарь Сюэ удивлённо спросила:

— Зачем, дитя моё? Опасаетесь, что великие кланы не оставят своих притязаний и попытаются нанести удар?

Дунфан Цзе покачала головой:

— Вовсе нет. Семья Цинь никогда не стремилась к власти, так с чего бы им бунтовать? Моя цель иная. Я хочу получше узнать главу Шэнь.

— Но вы ведь особа императорской крови! Зачем вам утруждать себя столь дальним путём? — вмешалась Су Пинь. — Позвольте нам с ребятами отправиться вместо вас.

Договорить ей не дали — матушка Сюэ отвесила ей звонкий подзатыльник и проворчала:

— Молчи уж, егоза! Сама не смыслишь, какие дела принцесса затевает, а лезешь вперед госпожи!

— Ну так принцесса же сама сказала — навестить главу Шэнь! — обиженно зашептала Су Пинь, потирая макушку. Ей искренне казалось, что Шэнь Цинчжоу — прекрасный человек, общаться с которым одно удовольствие, так что поездка обещала быть исключительно приятной.

Дунфан Цзе тихо рассмеялась:

— Глупенькая, этот визит будет куда важнее обычного проявления вежливости.

Она ведь была перерождением Ли Чжао, хоть и не помнила этого до недавнего времени. Лю Бэй упрямо признавал в Шэнь Цинчжоу своего старого друга Чжугэ Чжоу. И пускай сам Цинчжоу всё отрицал, кто поручится, что его душа не хранит ту же великую тайну реинкарнации?

Если он действительно Чжугэ Чжоу, некогда бывший верным книжником при Чжугэ Ляне, то его по праву можно считать хранителем наследия великого полководца. Духовный потенциал такого человека воистину безграничен.

Но даже если это ошибка, разве мог обычный, обделённый талантом калека без труда подчинить себе древний божественный клинок? Дунфан Цзе долго размышляла над этим и пришла к выводу: мастер Шэнь умышленно скрывает свою истинную силу, выжидая подходящего часа.

В любом случае союз с ним обещал принести огромную выгоду.

— Вы хотите переманить его к нам на службу? — наконец-то сообразила Су Пинь. Она растерянно спросила: — Но он ведь младший брат главы семьи Цинь! Нам хорошо известно, что их клан держится в стороне от мирской суеты и дворцовых интриг. Разве его старший брат уступит его нам?

— Покорим его искренностью, возвысим почётом, заманим выгодой и свяжем обязательствами славы.

Дунфан Цзе прищурилась, устремив туманный взгляд в пустоту перед собой, словно читая невидимые строки судьбы.

— Когда придёт время, у главы семьи Цинь просто не останется выбора. Впрочем, пока мы лишь прощупаем почву. Если Чжаньмэй пожелает, пусть отправляется со мной.

Су Пинь приоткрыла рот, но слова застряли у неё в горле.

— Что такое? — мягко спросила её Дунфан Цзе.

После недолгого колебания служанка робко прошептала:

— Ваше Высочество... У вас только что было такое... жуткое выражение лица.

— Испугалась? — Дунфан Цзе слегка приподнялась на ложе. Стоило ей стать строже, как в её облике вновь проступили черты неодолимой воительницы, прошедшей сквозь дым и пламя сотен сражений.

Су Пинь заворожённо смотрела на неё, не смея проронить ни звука.

Она вновь тепло и ласково улыбнулась, хотя её взгляд оставался холодным и бездонным. Она нежно погладила девушку по голове:

— Ну-ну, всё хорошо. Не бойся.

Когда Шэнь Цинчжоу вернулся в шатёр, отведённый для отдыха семьи Цинь, его взору предстала мирная картина. Цинь Сыминь усердно полировала мягким шелком сияющее лезвие Меча Колеблущего Чувства. В углу, обняв за плечи Цинь Тяньцэ, примостился Тань Ци — они тихо перешёптывались о чём-то своём.

Тань Ци, отчаянно жестикулируя, увлечённо что-то объяснял товарищу. От его недавней слабости и страха перед лицом смерти не осталось и следа — парень прямо-таки лучился неиссякаемой энергией.

Цинь Тяньцэ сидел прямо, чинно сложив руки, и ловил каждое его слово, а в его живых глазах плясали задорные огоньки.

— О! Старший наставник! Вы наконец-то вернулись! — радостно вскричал Тань Ци, заметив вошедшего, и изо всех сил замахал рукой.

Шэнь Цинчжоу невольно покачал головой. Мальчишка обладал поистине удивительной отходчивостью. Даже стойкая Цинь Сыминь до сих пор не могла полностью оправиться от ужасов кровавой бойни, а Тань Ци, славившийся своей трусостью, уже прыгал и резвился как ни в чём не бывало, словно только что пойманный карась.

Цинь Сыминь оторвала взгляд от меча, внимательно осмотрела дядю с ног до головы и, убедившись, что тот цел и невредим, молча кивнула в знак приветствия.

Тань Ци тем временем подтащил Шэнь Цинчжоу к Цинь Тяньцэ и, заговорщицки понизив голос, зашептал:

— Глава, а я ведь дело говорю! У нашего Тяньцэ дар прирождённого полководца! Он далеко пойдёт!

— Вот как? С чего такие выводы? — удивился Шэнь Цинчжоу.

Из-за внезапного нападения ненасытного таоте ему пришлось спешно покинуть поле боя, и он не успел увидеть, как искусно Цинь Тяньцэ командовал конницей, наголову разгромив неприятеля.

— Мне Старший Фэн рассказал! — с жаром выпалил Тань Ци.

— Старший Фэн?

— Ну, Фэн Цуньчжи, телохранитель принцессы! Его все в лагере так зовут. Так вот, он поведал, что стоило ему в общих чертах обрисовать местность у Высокой горы Тяньтай, как Тяньцэ мигом сообразил, откуда лучше нанести внезапный удар! А потом лично повёл конников в атаку! Он разнёс порядки Цай Биня в пух и прах, враги бежали без оглядки!

Тань Ци говорил всё громче, явно гордясь тем, что первым разглядел в товарище гениального тактика.

— Сколько нашему Тяньцэ? И восемнадцати ещё нет! Не дорос до совершеннолетия, а уже обладает такой отвагой! Это же вылитый Хо Цюйбин, клянусь вам!

«Не Хо Цюйбин, а Ли Шиминь», — мысленно поправил его Цинь Тяньцэ, едва сдерживая усмешку.

— Неужели правда? — Шэнь Цинчжоу с изумлением взглянул на юношеское, ещё не утратившее детской мягкости лицо Цинь Тяньцэ. Он радостно просиял. — Замечательно! Сыны нашей семьи Цинь и должны быть такими — истинными драконами среди людей!

Цинь Сыминь с сухим щелчком загнала клинок в ножны, подошла к ним и, указав на притихшего Тяньцэ, отрывисто произнесла:

— Он ранен. Пора домой.

— Да, — согласно кивнул Шэнь Цинчжоу. — Мы возвращаемся домой.

<http://bllate.org/book/18428/1865590>